

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

УСПОКОИТЕЛЬНЫЙ
СБОР
Душица для
ДЕСПОТА

Екатерина Мордвинцева

**Успокоительный сбор.
Душица для деспота**

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Успокоительный сбор. Душица для деспота / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Три миллиона семьсот тысяч. Именно столько стоил долг её мужа. Именно столько заплатил он — человек, которого боятся, человек без прошлого и без сердца. Ирина не знала, что её муж — не просто неудачник, а должник опасных людей. Она не знала, что однажды её привезут в загородный особняк и скажут: «Расплатишься собой». Но она не знала и того, что человек с прозвищем Ветряк окажется не таким, как она думала. Он не прикасается к ней. Он не унижает её. Он смотрит на неё так, будто она — единственное, что имеет значение. Между ними — сделка. Между ними — страх. Между ними — душица, которая растёт у его дома и пахнет её прошлым. Но когда её прошлое возвращается, чтобы уничтожить настоящее, Ирина делает выбор, который меняет всё.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Говорят, за всё в этом мире нужно платить. Но я не знала, что моя цена окажется такой низкой — и такой опьяняющей.

Первое, что я осознаю — это запах. Не тот, к которому привыкли мои ноздри за последние три года брака: перегар, дешёвый табак, сырость съёмных квартир и остывшая злоба. Нет. Этот запах другой. Дорогой. Древесина, какой-то цитрус, может быть, бергамот, и — неуловимо — мужской одеколон, который остаётся на подушке после того, кто уже ушёл.

Я не открываю глаза. Боюсь.

Потому что моя память — предательница — подкидывает обрывки вчерашнего вечера. Слишком яркие. Слишком постыдные. Слишком желанные.

Шёпот у виска. «Ты дрожишь. Перестань. Я не причиню тебе боли, если ты сама не попросишь».

Прикосновение к запястью. Пальцы — горячие, мозолистые, опасные — ведут по вене, как по струне.

Поцелуй в уголок губ. Требовательный. Голодный. Такой, от которого внутри всё переворачивается, а разум выключается, оставляя одно только тело — предательское, уставшее, соскучившееся по тому, чтобы его трогали не для того, чтобы ударить.

Я резко открываю глаза.

Потолок. Высокий. Белый. Легкая люстра из матового стекла. Не наш облезлый подвесной потолок в хрущёвке, где желтое пятно от протечки расплзается как позорное пятно. Не запах кошачьей мочи от соседей снизу.

Это не мой дом.

Я сажусь. Простыня соскальзывает, и я смотрю на себя — на ночную сорочку из шёлка цвета слоновой кости. На мне нет ни царапины. Ни синяка. Ни следа вчерашней пощёчины от Дениса за то, что я «не так» подала ужин.

Шёлк. На мне. Шёлк.

В моей прежней жизни даже колготки были с затяжками, потому что Денис считал, что «бабе много не надо».

Оглядываюсь. Комната — огромная. Метров тридцать, не меньше. Высокие окна от пола до потолка, за ними — зелень. Сад. Настоящий сад, не чахлые тополя под окном. Мебель тёмного дерева, тяжёлая, добротная, без намёка на безвкусицу. Туалетный столик с резными ножками. На нём — пузырьки с духами, расчёска из черепахового панциря, книга (Фаулз, «Коллекционер»).

Чья-то спальня. Чья-то чужая, дорогая, пахнущая деньгами и властью спальня.

И я в ней. В шёлковой сорочке. С живым, небитым телом.

Поворачиваю голову на подушку — и чувствую, как что-то кольнуло щёку.

Веточка.

Сухая, хрупкая, с мелкими серо-зелёными листочками. Душица. Я узнала бы её среди тысячи — бабушка сушила такие пучки на чердаке, а потом добавляла в чай, говорила: «Это от всех болезней, Иришка. И от телесных, и от душевных».

На тумбочке — записка.

Бумага плотная, с золотым тиснением, как у приглашений на свадьбу, на которые я когда-то работала дизайнером. Почерк мужской, резкий, с нажимом, будто буквы вырезали ножом:

«Ты свободна. Но останься»

Ни подписи. Ни угроз. Ни обещаний.

Я сжимаю веточку в кулаке, и сухие листья крошатся в ладони, оставляя пряный, горьковатый запах. Запах детства. Запах безопасности, которую я потеряла так давно, что уже и не помню, какой она была.

И память прорывает плотину.

Всё началось не с треска выбитой двери и не с мордобоя. Всё началось с квитанции.

Обычной квитанции об оплате интернета, которую я нашла в кармане джинсов Дениса, когда загружала стирку.

Знаете, есть такой момент в отношениях с алкоголиком, когда ты перестаёшь искать в его вещах чужие трусы или губную помаду. Ты ищешь бумажки. Всегда бумажки. Потому что бумажки не врут: они расскажут, сколько он проиграл вчера в подвальной казинохе, сколько занял у «надёжных людей», сколько задолжал за героин, которого, клянётся, «в последний раз, Ира, честно, это просто усталость, надо расслабиться».

Денис клялся часто. И красиво. У него был талант — врать с выражением истинного страдания на лице, так что я верила ему целых три года.

Три года. Я могла бы окончить курсы переквалификации, найти нормальную работу, сбежать в другой город, сменить фамилию, начать жизнь заново. Но я не сделала ни-че-го.

Потому что в каждом его «прости» была надежда. Потому что я помнила того Дениса, с которым познакомилась на четвёртом курсе архитектурного. Он носил меня на руках по ночной набережной, обещал, что мы откроем своё бюро, рисовал эскизы нашего будущего дома на салфетках в кофейнях. Он был весёлым. Живым. Любящим.

А потом его уволили. А потом умерла мама. А потом он нашёл «лёгкий способ снять стресс».

И я осталась. Потому что клялась у алтаря «в горе и в радости». Потому что мама говорила: «Терпи, дочка, баба должна быть терпеливой». Потому что боялась, что если уйду, то подтвержу все его слова: «Ты ни на что не годна, Ирка, кто тебя такую возьмёт?».

Он бил меня ровно семь раз. Я считала. Семь раз, когда кулак летел в лицо, а не в стену. Семь раз, когда я накладывала тональный крем на синяк и улыбалась кассирше в супермаркете. Семь раз, когда я говорила себе: «Завтра уйду».

Но не уходила. Куда? Родителей нет. Подруг не осталось — они отвернулись, устав от моих жалоб и моей же нерешительности. Денег нет — Денис выгребал всё до копейки, даже мелочь из моей копилки, которую я хранила со школы. Работы нет — после увольнения из бюро (я прогуливала из-за его запоев) меня никуда не брали без опыта.

Замкнутый круг. Клетка. Ад, выкрашенный в цвета бытовой серости.

И в этот ад постучались.

Это было во вторник. Денис ушёл с утра — «по делам», то есть в очередной притон. Я осталась в нашей однокомнатной конуре, перебирала старые эскизы, плакала в подушку и заклеивала трещину на кружке, которую подарила мне бабушка. На кружке был нарисован пучок душицы и надпись: «Будь сильной».

Я клеила трещину уже в четвёртый раз.

В дверь постучали. Не позвонили — именно постучали, тяжело, размеренно, как в гробовую доску.

Я не открыла. У нас часто стучали: соседи по поводу потопа, коллекторы с угрозами, пьяные дружки Дениса, которые путали квартиры.

Постучали снова. Громче.

— Открывай, красавица. Разговор есть.

Голос — низкий, равнодушный. Не пьяный. Не злой. Страшный именно своей обыденностью, будто человек каждый день ломает чужие двери и привык, что их открывают.

Я подошла. Замерла перед дверью, глядя в глазок.

В коридоре стояли двое. Огромные. Стриженные. В чёрных куртках без опознавательных знаков. У одного на скуле шрам — белый, старый, как вторая улыбка.

— Ирина? — спросил тот, что со шрамом, глядя прямо в глазок. — Нам сказали, ты здесь живёшь. Мужик твой, Денис, задолжал. Мы по-хорошему, ты открывай, не ломай.

И я открыла. Глупо, да? Но когда за тобой три года бытового насилия, ты перестаёшь бояться больших мужчин. Ты боишься только одного — что они причинят боль не тебе, а тому единственному, кого ты ещё пытаешься любить.

— Дениса нет, — сказала я. Голос не дрожал. Я научилась не дрожать.

— Знаем. Мы к тебе.

Они вошли, не спрашивая разрешения. Вдвоём заполнили всю прихожую. Оглядели квартиру с таким видом, будто пришли на экскурсию в музей ужасов.

— И где твой благоверный проигрывается? — спросил второй, тот, что помоложе, с цепью на шее и противно-сладким одеколоном.

— Я не знаю.

— Врёшь.

— Не вру. Он не рассказывает.

Шрам сел на единственный целый стул (второй сломал Денис в прошлую пьянку), достал телефон, показал мне какую-то таблицу.

— Ваш Денис Сергеевич должен нашему хозяину три миллиона рублей. Плюс проценты — ещё семьсот тысяч. Срок вышел вчера. У него есть неделя, чтобы вернуть тело. Если не вернёт — мы будем забирать частями. Сначала у него, потом у тебя. Поняла?

Я смотрела на цифры. Три миллиона. Для меня, которая считала копейки до зарплаты, это было число с другого измерения.

— У нас нет таких денег, — сказала я. — Вы ошиблись.

— Ошиблись? — Шрам усмехнулся, и шрам на его лице изогнулся как полумесяц. — Твой муженёк пришёл к нам сам. Занял на «верняк», проиграл всё до нитки, потом занял ещё, чтобы отыгаться. Классика. А теперь прячется. Но мы найдём. И ты нам поможешь.

— Чем?

— Когда появится — позвонишь. Вот номер.

Он бросил на пол визитку. Чёрную, с золотым тиснением. Ни имени. Ни должности. Только номер телефона и одно слово: «ВЕТРЯК».

Я подняла визитку. Бумага была дорогой, плотной, с шероховатой фактурой.

— А если не позвоню?

Шрам встал, поправил куртку, подошёл ко мне вплотную. Я чувствовала запах кожи, пота и металла — пистолет? Нож? Я не знала.

— Тогда твой муж умрёт. А ты... — он провёл пальцем по моей щеке, и я не отпрянула, потому что привыкла к прикосновениям, от которых хочется вымыться с хлоркой, — а ты, красавица, поедешь с нами. Наш хозяин любит, когда долги возвращают натурой.

Они ушли так же тихо, как пришли. Оставили после себя запах чужого табака и визитку на полу.

Я стояла посреди комнаты, сжимая в руке кружку с душицей, и смотрела на трещину.

«Будь сильной».

Я не была сильной. Я была трусихой, которая три года терпела побои и унижения, потому что боялась одиночества.

Но сейчас одиночество было не самым страшным.

Самым страшным был тот, кто подписался «Ветряк».

Денис вернулся через два дня. Пьяный, весёлый, с разбитой губой и новым «гениальным планом».

— Ирка, ты не представляешь! Я вчера почти отыгрался! Ещё немного — и мы заживём! Я молча положила перед ним визитку.

Он побледнел. В один миг протрезвел. Пальцы, которыми он тянулся к бутылке, задрожали.

— Откуда... когда они приходили?

— В тот день, как ты ушёл. Сказали, ты должен три миллиона семьсот тысяч. С процентами.

— Это не мои деньги, — залепетал он. — Это залог, понимаешь? Я хотел как лучше! Хотел купить тебе шубу, съездить на море, начать новую жизнь! Я же для тебя, Ирка!

Для меня. Он всегда играл эту карту. «Я для тебя пью, потому что ты меня не понимаешь». «Я для тебя проигрываю деньги, потому что хочу разбогатеть». «Я для тебя бью, потому что ты доводишь».

— Что теперь будет? — спросила я.

— Ничего. Я уеду. Спрячусь. Они меня не найдут.

— А я?

Он посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то, что я приняла за раскаяние. Но это была не жалость ко мне. Это была жалость к себе.

— Ты... ты справишься, Ир. Ты сильная. А я слабый, мне надо помочь.

Я сильная. Опять эта фраза. Всегда «сильная», когда речь идёт о том, чтобы вывозить его дерьмо в одиночку.

— А если они придут за мной?

— Не придут. Ты же женщина, что они тебе сделают? Поговорят и уйдут.

Я закрыла глаза. Внутри что-то оборвалось. Не любовь — любовь умерла год назад, когда он впервые ударил. Не надежда — надежда испарилась месяцами ранее. Оборвалась последняя ниточка, которая держала меня в этом браке.

Мысль пришла внезапно, холодная и ясная: «А что, если они придут? Что, если я уйду с ними? Хуже, чем здесь, уже не будет».

Это была опасная мысль. Я прогнала её.

Денис собрал рюкзак (мой рюкзак, между прочим, который я купила на последние деньги), взял все наличные (даже те, что я спрятала в банке с крупой), и ушёл, даже не поцеловав на прощание.

Я осталась одна. В пустой, грязной квартире. С визиткой на столе и кружкой с душицей в руке.

Четыре дня я ждала.

Ждала, когда позвонят. Ждала, когда придут. Ждала, когда моя жизнь наконец изменится — в любую сторону, даже если эта сторона — дно.

На пятый день я взяла телефон и набрала номер с визитки.

— Алло, — сказал голос. Не шрам, другой. Моложе. Вежливый даже. — Вы к кому?

— Я Ирина, жена Дениса. Он сбежал. Я не знаю, где он. Но я хочу... — я запнулась, потому что сама не знала, чего хочу, — я хочу поговорить с вашим хозяином.

Пауза. Короткая, но весомая.

— Ждите. За вами приедут.

Через час у подъезда стоял чёрный джип. Неброский, дорогой, с тонированными стёклами. Из него вышел тот самый молодой парень с цепью, но без цепочки — в простой чёрной футболке.

— Ирина? — он улыбнулся, но глаза остались холодными. — Поехали. Хозяин ждёт.

Я надела единственное приличное платье (синее, в цветочек, когда-то красивое, а теперь застиранное и мятое), сунула в карман веточку душицы (на удачу) и вышла.

Соседка тётя Зина выглянула из-за двери, покачала головой: «Поделом тебе, Ирка, с таким жила, сама виновата».

Я не ответила. Потому что она была права. Я была виновата. Виновата перед собой.

Но, может быть, сегодня я начну искупать вину.

Джип ехал долго. Сначала по центру, потом по набережной, потом в частный сектор, где дома были похожи на маленькие дворцы. Я смотрела на особняки, на ухоженные газоны, на дорогие машины, и чувствовала себя грязной, нищей, чужой.

Мы остановились у высоких кованых ворот. Охранник посмотрел на номер машины, кивнул, и ворота открылись.

Дом был огромным. Трёхэтажный, из светлого камня, с колоннами и террасами. Вокруг — сад, старый, разросшийся, с яблонями и кустами сирени.

— Выходи, — сказал парень.

Я вышла. Ноги дрожали. Платье облепило спину от волнения.

— Иди прямо по дорожке. Он в кабинете. На второй этаж не поднимайся без приглашения.

Он остался у ворот, а я пошла. Одна. По гравийной дорожке, которая хрустела под босоножками. Я заметила, что у дома растёт что-то ещё. Какие-то кусты с мелкими листьями.

Душица. Дикая душица росла прямо у крыльца, пробиваясь сквозь гравий.

Я остановилась, наклонилась, сорвала веточку. Понюхала. Запах детства, бабушкиного чая, безопасности.

— Любишь травы?

Голос раздался сбоку. Я подняла голову.

На крыльце стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в простой белой рубашке с закатанными рукавами. Тёмные брюки. Дорогие часы на запястье. Лицо — резкое, с высокими скулами, глубоко посаженными глазами, тонкими губами. Короткие тёмные волосы, чуть тронутые сединой у висков.

И глаза. Серые, тяжёлые, как свинец. Глаза человека, который видел смерть и не боялся её.

— Я Ирина, — сказала я. Голос дрогнул.

— Знаю, — он не представился. — Проходи.

Я поднялась на крыльцо. Он посторонился, пропуская меня в дом, и я почувствовала его запах. Дорогой одеколон, кожа, табак и ещё что-то — горькое, опасное, мужское.

Внутри было прохладно и тихо. Высокие потолки, паркет, картины на стенах. Никакой пошлой роскоши — только дорогая простота.

Мы прошли в кабинет. Огромный стол из тёмного дерева, кожаное кресло, шкафы с книгами. На стене — несколько фотографий: горы, море, какой-то старый мужчина в форме.

Он сел в кресло, не предлагая мне сесть. Я осталась стоять, сжимая в руке веточку душицы.

— Зачем позвонила? — спросил он. Без угрозы. Без интереса. Просто констатация факта.

— Муж сбежал. Денег нет. Я не знаю, что делать.

— И ты пришла ко мне? — он усмехнулся, но усмешка не коснулась глаз. — Обычно ко мне приходят с деньгами или с оружием. Ты пришла с травой.

Он кивнул на мою руку.

— Это душица, — сказала я. — Она растёт у вас под окнами.

— Знаю. Сажала мать.

Мать. Значит, у него было прошлое. Была мать, которая сажала травы. Он был не просто бандитом — он был человеком.

— Я не знаю, зачем пришла, — честно сказала я. — Может быть, чтобы вы меня убили. Или продали. Или... я не знаю. Но дома оставаться я больше не могла.

Он молчал долго. Смотрел на меня. Изучал. Как рентген, как сканер, который видит всё — синяки под платьем, шрамы на душе, дрожь в коленях.

— Садись, — наконец сказал он.

Я села на стул напротив.

— Твой муж должен мне три сёмсот. Это не маленькие деньги.

— Я знаю.

— Но он не вернёт. Я знаю таких, как он. Они бегут, пока не сдохнут в канаве.

— Тоже знаю.

— Поэтому ты здесь. Не он. Ты.

Он встал, подошёл к окну, повернулся ко мне спиной. Я видела его широкие плечи, напряжённую спину.

— Я могу сделать так, что ты никогда его не увидишь. Могу сделать так, что ты забудешь, как его зовут. Но за всё нужно платить, Ирина.

— Чем? — спросила я. Голос не дрожал. Странно, но внутри была пустота. Ни страха, ни надежды. Только пустота и веточка душицы в кулаке.

Он обернулся. Подошёл ко мне вплотную. Я чувствовала его дыхание — горячее, с горчинкой табака.

— Тобой, — сказал он. — Расплатишься собой.

Я смотрела в его серые глаза и не видела дна.

«Говорят, за всё в этом мире нужно платить. Но я не знала, что моя цена окажется такой низкой — и такой опьяняющей».

Веточка душицы хрустнула в моей ладони, и горький запах заполнил комнату.

— Согласна, — сказала я.

Он не улыбнулся. Только взял меня за запястье — сильно, до хруста, и повёл вверх.

В спальню. В свою спальню. Туда, где на тумбочке уже стояла ваза с сухой душицей и ждала чистая шёлковая простыня.

Я шла за ним, как на эшафот. Но почему-то в груди горел не страх, а странное, давно забытое чувство.

Ожидание.

Я ждала, что меня ударят. А меня взяли за руку.

Я ждала, что меня унижат. А на меня смотрели как на женщину.

Я ждала ада. А попала в чистилище, которое пахло бергамотом и летом.

Дверь спальни закрылась за моей спиной. Щёлкнул замок — мягко, почти нежно.

Он не спешил. Стоял напротив, рассматривал меня так, будто я была не застиранное синее платье с чужого плеча, а дорогая картина в музее.

— Разденься, — сказал он.

Не приказ. Просьба. Но такая, что отказать невозможно.

Мои пальцы дрожали, когда я расстёгивала пуговицы. Одна, вторая, третья. Платье упало на пол. Я осталась в белье — дешёвом, заношенном, с затяжками на колготках.

Он молчал. Смотрел на синяки на моих рёбрах (недельной давности — Денис толкнул на угол стола), на худые руки, на впалый живот.

— Он тебя бил? — спросил он.

— Да.

— Часто?

— Когда пьяный.

Он подошёл, провёл пальцем по синему пятну на моём боку. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но я вздрогнула — не от боли, от неожиданности.

Меня трогали не для того, чтобы ударить.

— Теперь ты моя, — сказал он. — И никто не посмеет тронуть тебя. Поняла?

— Поняла.

— Ты будешь жить здесь. Спать в этой комнате. Есть то, что тебе дадут. Выходить — только с разрешения.

— Как собачка? — спросила я. Горечь прорвалась в голосе.

Он усмехнулся. Настоящей усмешкой, которая на миг сделала его лицо почти человеческим.

— Нет. Как женщина, за которую заплатили. Больше чем собачка, меньше чем жена. Устроит?

— А выбора нет?

— Выбор есть всегда. Можешь уйти прямо сейчас. Но тогда я найду твоего мужа и убью его. А тебя... тебя я продам тем, кто заплатит больше. Три миллиона семьсот тысяч — большая сумма, Ирина. Тебя будут брать вскладчину.

Я закрыла глаза. Представила: грязный подвал, руки, запах, боль. Смерть, которая не приходит.

— Остаюсь, — сказала я.

— Умный выбор.

Он подошёл к шкафу, достал шёлковую сорочку — ту самую, цвета слоновой кости, в которой я проснулась сегодня утром.

— Надень. И ложись в постель.

Я надела сорочку. Шёлк скользнул по телу, холодный и приятный. Я легла на кровать, натянула простыню до подбородка, как маленькая девочка, которая боится монстров под кроватью.

Он разделся не спеша. Сначала рубашка — я увидела его торс: широкие плечи, твёрдый живот, шрамы на рёбрах (нож, пуля?). Потом брюки.

Он лёг рядом. Не притронулся. Лег на спину, закинул руки за голову, уставился в потолок.

— Спи, — сказал он. — Я не трону тебя сегодня.

— Почему?

— Потому что ты дрожишь. Я не беру женщин, которые меня боятся.

— Я не боюсь вас, — соврала я.

Он повернул голову, посмотрел на меня. В полумраке его глаза казались чёрными.

— Врёшь. Но это хорошая ложь.

Он протянул руку, взял мою ладонь, разжал её. Веточка душицы, которую я сжимала всю дорогу, упала на простыню.

— Твоя трава, — сказал он. — Зачем носишь?

— Бабушка научила. Говорила, душица защищает от злых духов.

— И как? Защитила?

Я посмотрела на его шрамы, на его тяжёлые руки, на холодные глаза.

— Не знаю. Посмотрим.

Он усмехнулся, положил веточку на тумбочку, рядом с часами и зажигалкой.

— Утром я уеду по делам. Ты останешься. В доме есть всё, что нужно. Если попытаешься сбежать — охрана стреляет без предупреждения.

— Я не сбегу.

— Почему?

— Потому что бежать некуда. И незачем.

Он замолчал. Я лежала рядом, чувствуя тепло его тела через простыню, и не могла уснуть.

Потому что впервые за три года я не боялась засыпать.

Потому что рядом не было того, кто ударит.

Был тот, кто заплатил за меня. Кто мог убить, но не убил. Кто мог взять силой, но не взял.

Я закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений.

Утром его не было.

Я проснулась оттого, что солнечный свет бил в окна. Простыня рядом была холодной — он ушёл давно. На тумбочке, рядом с засохшей веточкой душицы, лежала записка:

«Ты свободна. Но останься»

И маленький ключ. От чего? Я не знала.

Я села на кровати, обхватила колени руками, и заплакала.

Первый раз за три года я плакала не от боли. Я плакала от неизвестности.

Что будет дальше? Кто этот человек? Почему он не тронул меня? Почему оставил ключ?

Почему написал «останься», а не «жди»?

Я взяла веточку душицы, поднесла к носу. Запах — горький, пряный, живой.

И память понеслась назад, в те дни, которые привели меня в эту постель, в этот дом, в эту новую жизнь — или новую клетку.

Всё началось с квитанции об оплате интернета. Нет. Раньше.

Всё началось с того дня, когда я сказала «да» человеку с серыми глазами.

И теперь я расскажу вам всё. С самого начала. Без прикрас. Без лжи.

Потому что правда о том, как жена неудачника стала игрушкой деспота, страшнее любого вымысла.

Но в этой правде есть место и душице. И надежде. И, возможно, даже любви.

Хотя я пока не готова произносить это слово.

Глава 1

Ключ не поворачивался.

Я стояла перед дверью нашей съёмной квартиры, вонзала железку в проржавевшую скважину, и ничего не происходило. Замок сдох. Как и всё в этой жизни. Как и наш брак. Как и я сама, наверное, только ещё не поняла этого до конца.

— Да чёрт бы тебя побрал, — прошептала я, дёргая ручку.

Дверь не поддавалась.

Я прислонилась лбом к дерматиону, ободранному в трёх местах — ещё прошлые жильцы, наверное, тоже не могли открыть. Пахло здесь, в подъезде, привычно: кислятиной, мочой, чужими сигаретами и безысходностью. Пятый этаж. Без лифта. Я поднялась пешком, потому что лифт сломался в позапрошлом году, а чинить его было некому и незачем — кто поедет в этом доме, где живут одни алкаши и такие же дуры, как я?

Я попыталась вызвать лифт. Нажала кнопку — ничего. Нажала ещё раз — тишина. Прислонилась ухом к двери шахты: внутри что-то гудело, но не двигалось. Какой-то механический зверь, который давно умер, но его внутренности ещё продолжали жить своей бессмысленной жизнью.

— Когда-нибудь вылечу отсюда, — сказала я вслух. Голос в пустом подъезде прозвучал чужо, тонко, неубедительно.

Я была дурой.

Это я знала точно. Мне говорили об этом все: мама перед смертью («дура ты, Ирка, связалась с этим...»), подруги, которые отвернулись одна за другой («дура, мы же тебя предупреждали»), тётя Зина из соседней квартиры («и чё ты, дура, терпишь?»), даже кассирша в Пятёрочке, которая каждый раз смотрела на мои синяки с таким выражением, будто хотела сказать: «Дура, уходи, пока не поздно».

Но я не ушла.

И вот теперь стою под дверью собственного дома, не могу открыть замок, и внутри у меня — пустота. Не злость. Не отчаяние. Не страх. Пустота. Такая большая и чёрная, что в ней могла бы поместиться вся моя жизнь.

Я надавила на дверь плечом. Раз. Другой. Ничего.

— Ирина Сергеевна, вы бы поосторожнее, дверь-то не ваша.

Я обернулась. Тётя Зина — соседка с четвёртого этажа — стояла на площадке ниже, держа в руках мусорное ведро. Ей было за шестьдесят, но выглядела она на все семьдесят пять: серая кожа, мешки под глазами, руки в синих венах, как реки на старой карте.

— Добрый вечер, тёть Зин, — сказала я.

— Добрый, коли не шутишь, — она хмыкнула, прошлёпала мимо меня к мусоропроводу, грохнула ведром. — Дениска твой опять пьянствует?

Я не ответила.

— Ты гляди, — продолжала она, — ты гляди, Ирка. Вчерась он такое вытворял, что пол-подъезда не спало. Пел. Орал. А потом что-то разбил, аж стёкла посыпались. Я звоню — молчит. Ты бы, дочка, уходила от него. Пока живая.

— Некуда мне уходить, — тихо сказала я.

— Всегда есть куда. Было бы желание.

Она посмотрела на меня — долго, внимательно, с той смесью жалости и презрения, которую я научилась распознавать за три года. Жалость — за то, что мне больно. Презрение — за то, что я терплю.

— Замок у вас сломался, — сказала она. — Дениска вчера выходил, хлопнул дверью, она и заела. Вызови мастера.

— Денег нет.

— Ну, тогда ломай сама. Или жди, пока он проснётся и откроет.

Она ушла. Шаркающие шаги затихли за дверью её квартиры.

Я осталась одна.

Я вспомнила, кем была.

Не знаю, почему именно сейчас — в этом вонючем подъезде, с заевшим замком и мусорным ведром тёти Зины. Но память накрыла меня, как холодной волной, и я увидела себя прежнюю.

Пять лет назад.

Ирина Сергеевна Громова, 26 лет, дизайнер интерьеров в студии «Дом мечты». Не какая-нибудь там «специалист по обоям» — настоящий профессионал. Высшее образование с красным дипломом. Три персональных проекта, которые опубликовали в глянцевого журнале. Руководительница отдела, мать его, с пятью девочками в подчинении и годовым бюджетом в пятнадцать миллионов.

Я носила костюмы. Дорогие. Шерсть, шёлк, итальянская кожа. Туфли на каблуках, в которых могла простоять весь день на объекте и не умереть. Чёрный кожаный портфель, внутри — макбук, эскизы, образцы тканей и маленькая баночка с душицей. На всякий случай. Чтобы пахло домом.

У меня была квартира. Своя. Однушка в новостройке, с панорамными окнами и свежим ремонтом, который я сделала сама — спроектировала, подобрала материалы, доказала строителям, что женщина в каске может быть главной на объекте. Там пахло краской и надеждой. Там я просыпалась по утрам и думала: «Как же хорошо».

Я помню тот день. День, когда мне вручили ключи. Я зашла в пустую бетонную коробку, и сердце замерло. Ни обоев, ни дверей, ни розеток — только голые стены и запах цемента. Но я видела. Я видела каждую деталь: где будет висеть лампа, какой оттенок белого выкрасить стены, где поставить кресло-качалку. Я села на подоконник, достала блокнот и за полчаса набросала эскиз. Тот самый эскиз, который потом воплотился в жизнь. Я была счастлива. По настоящему. До крика. До слёз.

А потом пришёл Денис. И всё это исчезло. Не сразу. По кусочкам. Сначала — квартира. Её продали, чтобы покрыть его первые долги. Я стояла на пороге, когда пришли новые хозяева — молодая пара с ребёнком. Женщина смотрела на меня с неловкостью, мужчина — с любопытством. «Вы Ирина? Мы купили эту квартиру. Вы не могли бы... освободить её?» Я собрала вещи за два часа. Плакала в пустом коридоре, пока Денис грузил коробки в такси. «Ничего, — сказал он, — купим лучше». Не купили.

Потом — работа. Я пропускала дни, потом недели, потому что Денис то запил, то попал в аварию, то устроил скандал, и я не могла выйти из дома со свежим синяком. Меня уволили. Вежливо. С компенсацией. «Вы очень талантливый специалист, Ирина Сергеевна, но мы не можем больше...» Я не стала спорить. Я вообще перестала спорить где-то в тот момент.

Потом подруги. Сначала Аня. Потом Катя. Потом Лена. «Ир, ну сколько можно? Мы не хотим смотреть на это. Ты или уходишь от него, или мы не можем...» Я не ушла. И они ушли. Все. Даже Аня, с которой мы дружили с института. Она позвонила в последний раз, сказала: «Ир, я люблю тебя, но я не могу смотреть, как ты себя убиваешь. Когда захочешь выбраться — приходи. Но не раньше». Я не пришла. Слишком стыдно было. Слишком страшно, что она увидит меня такой — грязной, побитой, никчёмной.

Потом мама.

Мама умерла.

Я иногда думаю: может быть, она умерла от разрыва сердца? Увидела, во что превратилась её дочь, и не выдержала. Мама всегда была слабенькой. Сердце, давление, вечная усталость. Но она любила меня. Так сильно, что, когда я сказала ей «мам, я выхожу замуж за Дениса», она не стала спорить. Только вздохнула и сказала: «Будь счастлива, дочка».

Я не стала.

Она умерла через год после свадьбы. Инсульт. Скорая не успела. Я приехала — она уже лежала на диване с открытыми глазами, и я закрыла их ладонью. Тёплые ещё. Мягкие.

Я помню её последние слова. За день до смерти она позвонила мне. Голос был слабый, как ниточка на ветру. «Иришка, — сказала она, — ты там как? Не обижает тебя Денис?» Я соврала, как всегда: «Нет, мам, всё хорошо». Она помолчала, потом сказала: «Дочка, помни: ты можешь всё. Ты сильная. Я в тебя верю». Это были её последние слова. Я не успела попросить прощения. Не успела сказать, что люблю. Не успела попросить её остаться.

И тогда, стоя над её тёплым ещё телом, я подумала: «Что я делаю со своей жизнью?»

Но эта мысль утонула в следующем запое Дениса. А потом — в следующем. А потом я перестала думать.

Я нажала на дверь снова. Разбежалась, ударила плечом — дверь хрустнула, замок щёлкнул, и я ввалилась внутрь, чуть не упав.

И сразу же — запах.

Я знаю, что говорят про ад. Что там смола и сера. Но я вам скажу: ад пахнет перегаром и дешёвым табаком. Ад пахнет пивной кислотой, невымытой посудой и мужским потом, который вьелся в обои. Ад пахнет моей жизнью.

Добро пожаловать домой, Ирина.

Квартира встретила меня темнотой. Шторы задёрнуты — Денис не выносил света, когда пил. Горела только кухонная лампа — та, что над раковиной, тусклая, жёлтая, как глаз умирающего зверя.

Я прошла на кухню. Там был разгром.

Раковина полна грязной посуды. Тарелки с засохшей едой, кружки с чёрным налётом кофе, кастрюля, в которой что-то подгорело и теперь прикипело ко дну намертво. На плите — сковорода с остатками яичницы. Яйца были зелёными. Наверное, от старости.

Я провела пальцем по плите. Слой жира — такой толстый, что ноготь утонул в нём, как в масле. Когда я последний раз это мыла? Неделю назад? Две? Денис устроил скандал, разбил бутылку кетчупа, и я полдня оттирала кухню. А через день всё вернулось в исходное состояние. Как сброс. Как наказание.

На полу — осколки. Третья кружка за месяц. Моя любимая? Нет, моя любимая — с душицей — стояла на подоконнике. Целая. Чудо. А эта была обычной, из Икеи, дешёвой, такой же, как наша жизнь.

Я нагнулась, чтобы собрать осколки. Острый край полоснул по пальцу — я дёрнула руку, посмотрела на кровь. Тонкая ниточка, почти чёрная в полумраке. Лизнула. Вкус железа. Вкус жизни, которую я теряю по капле.

— Где ты шлялась?

Голос — хриплый, пьяный, злой. Я подняла голову.

Денис сидел на диване в комнате. Я не сразу его заметила — в темноте он сливался с грязным серым покрывалом. Футболка мятая, волосы спутаны, лицо опухшее, глаза красные, как у кролика-алкоголика.

— На работе была, — сказала я.

— Врёшь. — Он встал. Пошатнулся, но устоял. — Твою работу сократили. Ты где шлялась?

— Искала новую.

— Нашла?

— Пока нет.

Он подошёл ближе. Запах перегара стал невыносимым — смесь дешёвого виски (или портвейна?) и немытого тела. Я знала этот запах наизусть. Я могла бы определить его с закрытыми глазами среди тысячи других. Иногда мне казалось, что он вьёлся в мою кожу, в волосы, в лёгкие. Что я сама пахну им.

— Значит, так, — Денис остановился в полуметре от меня. — Ты принесла деньги?

— Откуда?

— Я тебя спрашиваю! — он повысил голос. Не крик. Пока не крик. Я научилась распознавать стадии: сначала недовольство, потом претензия, потом угроза, потом удар. Сейчас была вторая.

— Денег нет, Денис. Ты же знаешь. За квартиру платить нечем, за свет — нечем. Мы должны уже три месяца.

— Не мы должны. Ты должна. Ты — жена, твоя забота — обеспечивать семейный очаг. А ты что? Нищенка. Неудачница. Из тебя даже дизайнер хреновый, потому что кто берёт на работу бабу с синяками?

С синяками. Он сам же их и поставил. И теперь пользовался как аргументом.

— Я ищу работу, — сказала я. — Меня пригласили на собеседование в четверг.

— Врёшь.

— Не вру.

— Покажи телефон.

— Что?

— Покажи телефон! — рявкнул он.

Я достала из кармана старенький смартфон — разбитый экран, потрескавшийся корпус, не было денег даже на чехол. Денис выхватил его, начал листать.

— Где? Где твоё собеседование? Нет ничего! Ты врешь, Ирка! Ты не ищешь работу! Ты шляешься по городу, тратишь мои деньги и врешь мне!

— Твои деньги? — я не сдержалась. — Какие твои деньги, Денис? Ты уже год не работаешь! Ты продал мою квартиру, мою машину, мои украшения! Ты занял у каких-то бандитов три миллиона и проиграл всё в подпольном казино! Твои деньги?

— Заткнись!

Удар.

Не сильный. Затрещина. Но от неё я пошатнулась, ударила спиной о косяк кухонной двери. Больно. Терпимо. Я привыкла.

— Не смей, — прошипел он. — Не смей меня учить. Я мужчина. Я глава семьи. Ты должна мне подчиняться и благодарить, что я тебя вообще терплю. Кому ты нужна, Ирка? Старая, больная, без денег, без работы. Я — твой крест. Неси.

Он отвернулся, пошёл на кухню, достал из холодильника бутылку пива. Открыл зубами, сделал глоток, посмотрел на меня.

— Чего встала? Убери тут. И пожрать приготовь. Я голодный.

Он ушёл в комнату, рухнул на диван, включил телевизор. Оттуда заорала реклама — весёлая, яркая, чужая.

А я осталась на кухне. Среди осколков, грязной посуды, вони перегара и собственной никчёмности.

Я мыла посуду.

Руками. Горячей водой. Без перчаток. Средство для мытья посуды закончилось неделю назад, Денис сказал, что «бабы и без химии управляют». Я оттирала засохший жир жёсткой стороной губки, и кожа на пальцах краснела, трескалась.

Я думала о маме. О том, как она мыла посуду. Всегда в розовых резиновых перчатках, напевала что-то старомодное, из ВИА «Синяя птица». Я сидела на табуретке, смотрела на её руки, на мыльную пену, и мне было спокойно. Мама пахла яблоками и чем-то сладким — может быть, ванилью. А теперь я пахну перегаром и отчаянием.

Кастриюлю пришлось отмачивать. Я залила её кипятком, добавила соду (последнюю, надо будет купить), оставила на час.

Раковина постепенно пустела. Тарелки, кружки, вилки, ложки. Я мыла и думала. Мыла и вспоминала. Мыла и ненавидела.

Ненавидела его. Себя. Эту квартиру. Эту жизнь.

Мой взгляд упал на подоконник. Там, среди пустых бутылок и пепла, стояла кружка. Моя любимая. Белая, с нарисованным пучком душицы и надписью: «Будь сильной».

Бабушка подарила. На восемнадцатилетие. Сказала: «Иришка, ты девочка с характером. Не теряй его». Я не потеряла. Я его зарыла. Глубоко. В какой-то момент я просто перестала быть сильной. Решила, что сильная — это не про меня. Сильная — это та, кто уходит. А я осталась.

Я взяла кружку в руки. Погладила пальцем трещину. Я её заклеивала уже четыре раза. Каждый раз, когда Денис в очередной раз бил посуду, эта кружка чудесным образом выживала. Может быть, потому что я прятала её. Может быть, потому что бабушка была права: душица защищает от злых духов.

Я поднесла кружку к лицу, вдохнула. Внутри — ни чая, ни кофе, только запах керамики и мыла. Но мне показалось — на секунду, — что я слышу душицу. Горькую, пряную, живую.

И заплакала. Тихо. Без звука. Слёзы капали прямо в кружку, и я не вытирала их.

— Ирка! — заорал из комнаты Денис. — Где жратва?

— Сейчас, — ответила я.

Я поставила кружку на место, вытерла руки о грязное полотенце (стирать его надо было уже неделю назад, но стиральная машинка сломалась, а чинить — денег нет).

Еды не было.

Я открыла холодильник. Пусто. Пара яиц (зелёных, как на сковороде — нет, уже не годятся), кусок сыра с плесенью (не благородной, а настоящей, зелёной), наполовину пустая банка томатной пасты и три бутылки пива.

В шкафу — макароны. Полпачки. И лук. Одна луковица.

Я сварила макароны. Поджарила лук. Смешала. Посолила (соль ещё была, слава богу). Разложила по тарелкам — ему побольше, себе поменьше.

— Еда готова, — сказала я, входя в комнату.

Он сидел на диване, переключал каналы. Увидел тарелку, поморщился.

— Опять эти макароны? Ты не можешь что-то нормальное приготовить?

— Денег нет на нормальное.

— А ты найди! Ты же женщина! Муж должен быть сытым, довольным, а ты... — он отодвинул тарелку. — Не хочу. Убери.

— Денис, поешь. Ты ничего не ел со вчерашнего дня.

— Я сказал — убери!

Он ударил по тарелке. Та полетела на пол. Макароны рассыпались. Тарелка разбилась. Ещё одна.

Я смотрела на еду на полу. Еду, которую я готовила из последнего. Еду, на которую ушли последние деньги. Еду, которую я держала в руках, когда варила, и думала: «Может быть, на этот раз он будет доволен». Дура. Вечная дура.

— Ты... — начала я.

— Что — я? — он встал, навис надо мной. — Что ты сказала, Ирка? Скажи ещё раз. Скажи.

Я молчала. Потому что знала: любое слово станет поводом для удара.

— Так-то, — он сел обратно, открыл пиво. — Убери. И не ной.

Я встала на колени. Собрала макароны обратно в тарелку — мусорное ведро было переполнено, Денис не выносил его уже три дня. Вытерла пол тряпкой. Порезала палец об осколок — тонкая, острая боль.

Кровь смешалась с томатной пастой.

Я посмотрела на свою руку. Красное на красном. И подумала: «Когда я перестала чувствовать боль?»

Я не знала, кем стала.

Вот это самое страшное. Не то, что я потеряла работу, квартиру, друзей. Не то, что меня бьют. А то, что я перестала себя узнавать.

Когда-то я была Ириной, которая вставала в шесть утра, бежала на объект, спорила с прорабами, доказывала, что её проект лучше, что стена должна быть не белой, а слоновой кости, что свет должен падать именно так, а не иначе. Я была Ириной, которая пила кофе с молоком и без сахара, носила туфли на каблуках даже в супермаркет, красила волосы в тёмно-русый (натуральный, но с отливом) и смеялась — громко, заливисто, так, что все оборачивались.

Я была Ириной, которую хотели. Мужчины оглядывались. Женщины спрашивали, какой у меня крем для лица. Я нравилась себе. Я смотрела в зеркало и улыбалась.

А теперь?

Теперь я — Ирина, которая ходит в застиранных джинсах (единственные, которые остались, Денис продал остальные на запчасти). Ирина, которая не красит волосы, потому что денег нет на краску. Ирина, которая не смеётся, потому что забыла, как это делается. Ирина, которая смотрит в зеркало и не видит там себя — только чужую, уставшую, серую женщину с потухшими глазами.

Я стала серой. Как эти стены. Как эта жизнь. Как моё будущее.

Я стояла посреди кухни, смотрела в окно. Там, за грязным стеклом, был другой мир. Люди шли по своим делам, женщины вели за руки детей, парочки обнимались на лавочках. Нормальная жизнь. Та, которая была у меня когда-то.

Один раз я попыталась выйти. В прямом смысле — собрала вещи, позвонила Ане, сказала: «Я ухожу». Аня обрадовалась, сказала: «Приезжай, я тебя встречу». Я стояла с сумкой в прихожей, когда Денис вернулся раньше. Увидел сумку. Понял всё. И заплакал. Упал на колени, обхватил мои ноги, завыл: «Ирочка, не уходи, я умру без тебя, я исправлюсь, я клянусь, в последний раз». Я осталась. Конечно, осталась. Потому что я дура.

— Ирка!

Я вздрогнула.

— Иди сюда, — голос Дениса изменился. Стал вкрадчивым, сладким, опасным. Я знала этот тон. После него всегда было плохо.

Я вошла в комнату.

Он сидел на диване, похлопал по месту рядом с собой.

— Садись. Поговорить надо.

Я села. На самый край. Готовая вскочить в любую секунду.

— Ты знаешь, Ир, — начал он, — я тебя люблю. Правда люблю. Просто жизнь такая... дерьмовая. Не получается у меня. Но я исправлюсь. Вот увидишь.

— Да, Денис, — сказала я. Потому что говорить «нет» было опасно.

— Ты мне веришь?

— Верю.

— Вот и хорошо, — он взял меня за руку. Пальцы у него были мокрыми, липкими от пива. — Значит, так. У меня есть идея. Одна тема. Бизнес. Нужно триста тысяч на вход. Ты достанешь.

— Откуда? — спросила я.

— Занять. У кого-нибудь. У тётки своей попроси.

— У тёти Зины? Она на пенсии.

— У других. Ну, придумай что-нибудь. Ты же женщина. У тебя есть... кое-что.

Он посмотрел на мою грудь. Я похолодела.

— Денис, нет.

— Что — нет? — он сжал мою руку сильнее. — Ты моя жена. Ты должна мне помогать.

— Я не буду этим торговать.

— А чем ты торгуешь, Ирка? — он усмехнулся. — Твоя красота уходит. Скоро ты никому не будешь нужна. Пользуйся, пока берут.

Я вырвала руку, встала.

— Я иду спать.

— Иди, — он не остановил меня. — Но завтра поговорим. У тебя есть день на размышления.

Я ушла в нашу спальню. Так называемую спальню — закуток за ширмой, где стояла раскладушка и мой старый шкаф. Я задвинула ширму, села на раскладушку, обхватила колени.

И разревелась снова. Громко. В голос. Потому что уже не было сил молчать. Слёзы текли по щекам, капали на колени, на простыню, на пол. Я выла, как зверь, которого загнали в клетку. И никто не пришёл. Никто не услышал. И никто не придёт.

Я вспомнила себя в зеркале. Какая я была. Какая стала.

Встала, подошла к зеркалу, висевшему на стене (единственное, что осталось от нормальной жизни — большое, в деревянной раме, я его когда-то купила на блошином рынке, отрезавировавала сама).

На меня смотрела чужая женщина.

Глаза — опухшие, красные. Щёки — впалые. Губы — сухие, потрескавшиеся. Волосы — тусклые, безжизненные, давно не мытые (горячая вода отключалась на два дня, а греть на плите — лень, сил нет).

Я провела рукой по щеке. Кожа — серая, как стены. Под глазами — синяки. Не от его ударов (хотя и они были), а от бессонницы. Я не спала по ночам. Боялась. Боялась, что он придёт. Боялась, что не придёт. Боялась своих снов.

— Кто ты? — спросила я своё отражение. — Ты Ирина? Та самая Ирина, которая спорила с прорабами и носила туфли на каблуках? Где ты?

Отражение молчало. Только смотрело пустыми глазами.

— Ты умерла, — сказала я себе. — Ты умерла три года назад. А теперь просто ходишь и дышишь. Но тебя нет.

Я ударила ладонью по зеркалу. Оно не разбилось. Только качнулось на гвозде.

Всё, что у меня осталось — это кружка с душицей. Бабушкина память. Напоминание о том, что когда-то я была сильной.

Я вернулась на кухню, взяла кружку с подоконника, налила в неё кипятка (чай кончился, пила просто воду), села на подоконник, поджав ноги, и стала смотреть в окно.

Где-то там, за этим грязным стеклом, была другая жизнь. Жизнь, в которой меня не бьют. Жизнь, в которой я сама решаю, как жить. Жизнь, в которой есть место любви, надежде, душице.

Но у меня не было ключа от той жизни.
Как и от этой проклятой двери.

Ночью мне приснился сон.

Я стою в поле. Высокая трава, цветы, солнце. В руке — веточка душицы. Я вдыхаю запах и чувствую, как внутри расправляется что-то сжатое, болезненное, уставшее.

Ко мне идёт мужчина. Я не вижу лица — только силуэт. Широкие плечи, уверенная походка. Он протягивает руку.

— Пойдём, — говорит он.

— Куда? — спрашиваю я.

— Домой.

— У меня нет дома.

— Будет.

Он берёт меня за руку. Его ладонь — горячая, сухая, сильная. Я чувствую себя в безопасности. Впервые за три года.

Мы идём по полю. Трава расступается перед нами. Птицы поют. Душица пахнет так сильно, что кружится голова.

А потом поле кончается. И мы стоим на краю обрыва. Внизу — темнота. Бездна. Ничего.

— Прыгай, — говорит он.

— Почему?

— Потому что полететь можно только упав.

Он отпускает мою руку. И я прыгаю.

Я просыпаюсь в холодном поту. Сердце колотится, как бешеное. Рядом никого. Денис спит в комнате, храпит так, что стены дрожат.

Я сижу на раскладушке, сжимаю в кулаке край простыни, и пытаюсь понять: этот сон — предупреждение или обещание?

Я смотрю на кружку с душицей. Она стоит на подоконнике, лунный свет падает на трещину, и мне кажется, что трещина стала больше. Или это я стала меньше?

Утром я узнаю ответ.

Потому что в дверь постучат. Не позвонят — именно постучат, тяжело, размеренно, как в гробовую доску. И голос скажет: «Открывай, красавица. Разговор есть».

И я открою.

Потому что мне нечего терять. Кроме себя. Но себя я уже потеряла три года назад.

Кружка с душицей стояла на подоконнике.

Я посмотрела на неё, погладила трещину, прочитала надпись: «Будь сильной».

— Прости, бабушка, — прошептала я. — Не получилось.

Но где-то глубоко, на самом дне моей пустоты, зажглась крошечная искра.

Искра, которая через несколько дней приведёт меня в дом человека с серыми глазами.

Но это будет потом.

А сейчас — стук в дверь.

Глава 2

День после ночи сна — самый опасный.

Я знала это по себе. Утром, когда Денис ещё спал, а я сидела на подоконнике с кружкой горячей воды и смотрела, как город просыпается, мне казалось, что всё не так плохо. Что можно выдохнуть. Что сегодня будет другой день.

Я обманывала себя. Как всегда.

Я смотрела на улицу и пыталась представить, что чувствуют те люди внизу. Вон та девушка в красном пальто — она торопится на любимую работу? А мужчина с собакой — он счастлив? У них есть дом, где пахнет выпечкой, где не нужно бояться открыть дверь?

У меня этого не было. У меня был только этот подоконник, треснутая кружка и надежда, что сегодня он побьёт меня хотя бы не сильно.

Денис проснулся в полдень. Злой. С головной болью. С похмелья ему всегда хотелось двух вещей: пива и чтобы кто-нибудь страдал. Пива в холодильнике не было — я вылила остатки в раковину ночью, когда он уснул. Это была маленькая, глупая, но такая сладкая месть.

Он открыл холодильник, увидел пустоту, и его лицо побагровело.

— Ирка!

Я была в комнате, перебирала старые эскизы. Мои эскизы. Те, что я успела вытащить из офиса перед увольнением. Штук двадцать — проекты гостиных, спален, кухонь. Моя прошлая жизнь, застывшая на ватмане.

Я проводила пальцами по линиям, которые рисовала когда-то с такой надеждой. Вот этот проект — загородный дом для семьи с двумя детьми. Я ездила туда на замеры сама, спорила с заказчицей про цвет стен («Бежевый — это скучно, давайте терракотовый!»), а потом мы пили чай с мятой на веранде. Заказчица обняла меня на прощание. Сказала: «Ирина, вы волшебница».

Где та Ирина? Где волшебница? Осталась только баба с синяками и пустыми карманами.

— Чего тебе? — спросила я, не оборачиваясь.

— Где пиво?

— Вылила.

— Что?!

Он влетел в комнату, и я наконец повернулась к нему. Красное лицо, налитые кровью глаза, кулаки сжаты. Вены на шее вздулись — я видела, как бьётся под тонкой кожей его злоба.

— Ты вылила моё пиво?

— Оно было вчерашнее. Ты всё равно не пил.

— Я его оставил на сегодня! — заорал он так, что с полки упала старая книга. — Ты что, дура совсем? Ты понимаешь, что я теперь делать буду?

— Не знаю, — спокойно сказала я, хотя внутри всё сжалось в комок. — Может быть, поработаешь?

Я знала, что это была ошибка. Я знала, что нельзя говорить ему про работу. Что это триггер, красная тряпка для быка. Но внутри меня что-то щёлкнуло — та самая искра, которая зажглась ночью после сна про обрыв и мужские руки. Я устала молчать. Я устала быть тряпкой.

— Что ты сказала? — он шагнул ко мне, и я почувствовала запах перегара — даже сквозь утро, даже сквозь сон, он был въевшимся, намертво.

— Сказала — поработай. Сходи, наймись куда-нибудь. Грузчиком, дворником, кем угодно. У нас нет денег на еду, Денис. Я вчера сварила макароны из последней пачки. Завтра есть будет нечего.

— Ты меня учить вздумала? — он схватил меня за плечо, сжал так, что костяшки хрустнули. — Ты, никчёмная, бездарная...

— Отпусти.

— Не отпущу. Ты будешь меня слушать. Ты — жена. Твоё дело — молчать и терпеть. Я — мужчина, я решаю, когда и где работать. А ты...

Он не договорил.

В дверь постучали.

Стук был такой, что задрожали стены.

Не вежливое «тук-тук». Не соседское «откройте, трубу прорвало». Это был удар — тяжёлый, уверенный, как будто дверь пытались выбить ногой с первого раза. Или не пытались, а именно выбивали.

Я почувствовала, как вибрация прошла через пол, через мои босые ступни, через позвоночник — до самого затылка.

Денис отпустил меня. Побелел. В один миг его лицо из багрового стало серым, как старая простыня, которой мы накрывали диван. Губы задрожали. Глаза округлились.

— Кто это? — прошептал он.

— Откуда я знаю?

Стук повторился. Громче. Три удара — мерных, тяжелых, как гильотина. И голос — низкий, равнодушный, такой, от которого кровь стынет в жилах, даже если на улице +30:

— Открывайте. Разговор есть.

Я взглянула на Дениса. Он стоял, открыв рот, и трясся. Буквально трясся — как осиновый лист на ветру. Его колени ходили ходуном, руки дрожали, даже кадык прыгал вверх-вниз. Этот человек, который минуту назад кричал на меня, сжимал моё плечо, называл никчёмной, сейчас превратился в дрожащую массу. В тряпку. В ничто.

— Это они, — прошептал он. — Это за мной.

— Кто? Те, кому ты должен? Те, кто приходил в прошлый раз?

Он кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Три миллиона семьсот тысяч. Я вспомнила ту квитанцию, тот разговор в прихожей, когда эти двое уже были здесь — вежливые, почти ласковые, но страшные. Тогда это было далеко. Словно не со мной. А сейчас — вот они, за дверью. В двух метрах. Живые. Злые. Реальные.

— Открывай, — сказал Денис.

— Что?

— Открывай, я сказал! — он отступил на шаг, спрятался за мою спину. Физически — встал за мной, положил руки мне на плечи, как щит. Его пальцы впились в мои ключицы до боли. — Скажи, что меня нет. Скажи, что я уехал. Скажи что угодно, но чтобы они ушли.

— Ты с ума сошёл? Ты хочешь, чтобы я открыла дверь этим людям? Ты прячешься за мной?

— Ты женщина, они тебя не тронут! — залепетал он. — Со мной они что хотят, то и сделают, а ты... ты им не нужна!

— Не нужна? Денис, они пришли за тобой, потому что ты должен им кучу денег!

— Открывай, Ирка! Или я...

Он не договорил. Потому что дверь не выдержала.

Замок, который я не могла открыть вчера, сдался под ударом ноги.

Дверь распахнулась, ударившись о стену с таким грохотом, что с кухни упала кастрюля. В проёме стояли двое. Я сразу узнала их — по фигурам, по ауре беспредельной силы, по тому,

как они заполнили собой весь дверной проём, как будто даже свет перестал просачиваться в квартиру.

Я видела их раньше. Месяц назад. Такие же чёрные куртки, стриженные головы, тяжёлые ботинки, от которых на полу оставались грязные следы. Но тогда они были вежливее. Тогда они только угрожали. Сейчас они пришли забирать.

Первый — огромный, под два метра, с бычьей шеей и шрамом на скуле. Тот самый, со «второй улыбкой». Я заметила, что шрам стал розовее — может быть, погода менялась, или просто при ярком свете он казался страшнее. Второй — помоложе, пониже, но тоже внушительный, с золотой цепью на шее и наглыми глазами. Цепь была толстой, как палец, и я подумала: «Наверное, её не снимают даже в душе».

— Здрасьте, — сказал тот, что со шрамом. — А мы к вам в гости. Денис Сергеевич дома?

Он говорил спокойно, даже вежливо. Как будто пришёл на чай. Но от его спокойствия мне стало страшнее, чем если бы он орал матом и размахивал пистолетом. В спокойствии чувствовалась сила. Абсолютная, беспощадная сила.

— Его нет, — сказала я.

— Врёшь, красавица, — усмехнулся второй, цепляющий. — Я его ботинки вижу. Вон, за твоей спиной торчат. «Кроссовки найк»? Три года ношенные? Дырявые?

Я обернулась. Денис стоял за мной, согнувшись в три погибели, но его ноги — в грязных носках, дырявых, когда-то белых — были видны из-за моей юбки. Позорище. Позорище, которое прикрывало меня от пуль.

Трус. Трус, который прячется за женщиной. Мужчина, который не способен даже умереть достойно.

— Выходи, Денис, — сказал шрам. — Не позорься. Ты же мужик. Или уже нет?

Денис вышел. Медленно, как на эшафот. Его трясло так сильно, что зубы стучали — я слышала этот сухой перестук, как в костяном кастаньете.

— Я... я сейчас... я отдам, — залепетал он. — Ещё неделю, ну, пожалуйста, я найду деньги...

— Найдёшь? — шрам усмехнулся, скрестил руки на груди. — Где? Ты уже всё проиграл, Денис. Дом, машину, бизнес. Что у тебя осталось?

— Я... я...

— Жена осталась, — подсказал цепляющий. Он обошёл меня вокруг, как лошадь на ярмарке. — Вон, симпатичная какая. Даже в таком тряпье видно. Глаза какие, скулы... Тошная правда, но это поправимо. Хозяин любит кормить.

Он посмотрел на меня. И его взгляд — раздевающий, оценивающий, холодный — заставил меня почувствовать себя грязной. Потной. Ничтожной. Я захотела принять душ. Или сгореть.

— Не трогайте её, — сказал Денис. Но голос его был таким жалким, таким писклявым, что я поняла: он не меня защищает. Он боится, что без меня ему будет хуже. Что если меня заберут, то он останется один на один с долгом, и тогда его точно убьют.

— Не будем, — пообещал шрам. — Пока. Ты, Денис, слушай сюда. У тебя ровно неделя. Через семь дней мы приходим снова. Ты отдаёшь три миллиона семьсот тысяч. Если нет — будем забирать частями. Начнём с пальцев. Потом уши. Потом язык. Закончим тобой.

— А если я сбегу?

— Сбежишь — найдём. Ты же знаешь нашего хозяина. Он не прощает должников. Он их... коллекционирует. У него есть специальное место для таких, как ты.

Шрам улыбнулся. Шрам на его щеке изогнулся, и я увидела белые рубцы — старые, давние, но страшные. Мне показалось, что я вижу, как этот шрам появился — от удара ножом, может быть, или от осколка стекла.

— А теперь, — он оглядел квартиру, — покажи, что тут у вас есть ценного.

Они прошлись по комнате, как по своей территории.

Шрам — методично, спокойно, открывая шкафы, ящики, заглядывая под кровать. Цепляющий — с удовольствием, с наслаждением, с каким-то извращённым интересом. Он явно получал удовольствие от процесса.

— Ноутбук, — сказал цепляющий, вытаскивая мой старый лэптоп из-под стола. — Хотя что-то.

— Не трогайте! — вырвалось у меня. — Там мои эскизы, портфолио, я...

Он замер, поднял бровь.

— Эскизы? Ты что, рисуешь?

— Я дизайнер интерьеров. Там проекты, которые я делала три года. Ресторан «Небо», помните? Это я оформляла. И офис на Ленина, 15 — тоже мой.

Цепляющий присвистнул.

— Серьёзно? А я там был. Классно сделано. Жаль, что теперь это никому не нужно.

Он захлопнул ноутбук и сунул его в мешок.

— Твои эскизы? — шрам повернулся ко мне. — А ты кто, художница?

— Бывший дизайнер, — вставил Денис из угла. — Сейчас никто.

— Заткнись, — сказал ему шрам, даже не повернув головы. И ко мне, уже мягче: — Ты работала?

— Да. В студии «Дом мечты». Меня уволили, когда я начала пропускать из-за... — я запнулась, посмотрела на Дениса, — из-за семейных проблем.

— Потеря для бизнеса, — хмыкнул цепляющий. — Ладно, ноутбук забираем. Ещё что?

Они выгребли всё. Телевизор — старенький, плазменный, Денис когда-то купил его в кредит и до сих пор платил. Микроволновку — подарок моей мамы на свадьбу, она копила на неё три месяца, работая уборщицей. Фен — мой, единственная роскошь, которую я себе позволяла после того, как Денис продал мои украшения.

— Часы, — шрам снял со стены старые ходики. — Антиквариат? Нет, дешёвая подделка. Но сойдёт. Отдадим в ломбард на запчасти.

Я смотрела, как моя жизнь — то, что от неё осталось — исчезает в чёрных мешках. Каждая вещь была памятью. Микроволновка — мамины руки, когда она ставила её на стол. Телевизор — наш с Денисом первый совместный просмотр фильма, когда мы ещё любили друг друга. Ноутбук — ночи, когда я рисовала эскизы с горячим чаем и надеждой, что завтра будет лучше.

Теперь этого нет.

— Это всё? — спросил цепляющий, оглядываясь.

— Кажется, да, — ответил шрам. — Кроме...

Он замолчал. Его взгляд упал на подоконник. На кружку. Мою кружку с душицей и надписью «Будь сильной».

— Это что? — он взял кружку в руки, повертел. Керамика блеснула в тусклом свете. — Милое. Бабушка подарила?

— Отдайте, — попросила я, шагнув вперёд. — Это единственное, что у меня осталось. Пожалуйста. Не забирайте.

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно. В его глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление, может быть, уважение. И вдруг он поставил кружку обратно на подоконник.

— Ладно. Пусть будет. Хозяин не любит, когда мы забираем последнее у баб. Сентиментальный, понимаешь?

Я не знала, верить ему или нет. «Сентиментальный хозяин» — эти слова звучали как оксюморон. Как «горячий лёд» или «живой труп».

— Но ты, красавица, запомни, — он подошёл ко мне вплотную. От него пахло кожей, табаком и чем-то металлическим — оружием, наверное. Или кровью. — С тобой будет отдельный разговор. Скоро приедет хозяин. Он захочет с тобой поговорить.

— Зачем я ему? — спросила я. Голос не дрожал. Я сама удивилась своей смелости.

— Узнаешь, — он усмехнулся, хлопнул меня по плечу — не больно, но весомо, как клеймо ставят. — Ты ему понравилась. Такие, как ты, ему нравятся. С огоньком.

Он развернулся и вышел. Цепляющий — за ним, бросив на прощание Денису: «Жди, козёл. Неделя пошла».

Дверь осталась открытой — сломанный замок теперь не закрывался вообще.

Мы стояли в пустой квартире.

Я — посреди комнаты, глядя на пыльные следы от техники на полках, на пустые провода, свисающие как кишки, на дыру, где стоял телевизор. Денис — в углу, всё ещё трясаясь, прижавшись спиной к стене, как нашкодивший пёс.

— Ты... ты видела? — спросил он, наконец, выходя из ступора. — Они забрали всё.

— Я видела.

— И ноутбук твой. И телевизор. И...

— Я видела, Денис. Я стояла и смотрела, как выносят мою жизнь. Ты тоже стоял и смотрел. Ты даже не пикнул.

— А ты могла бы отдать им ту кружку! — вдруг заорал он, и в его голосе прорвалась истерика. — Она же ничего не стоит! А они бы смягчились! Они бы, может, телевизор оставили!

Я повернулась к нему. Медленно. Как в замедленной съёмке. Как леди, которая готовится нанести удар.

— Ты хочешь сказать, что я должна была отдать единственную память о бабушке, которая меня растила, которая вытащила меня из детдома, которая умерла у меня на руках — я должна была отдать её, чтобы спасти твой чёртов телевизор? Ты это хочешь сказать, Денис?

— Телевизор стоил денег! А твоя кружка — дрянь!

Я ударила его.

Впервые за три года. Не сильно — пощёчина. Но звонкая, увесистая, такая, после которой на щеке остаётся красный след и звон в ушах. Моя ладонь горела. В груди — горело.

— Ты... ты меня ударила? — он схватился за лицо, отступил на шаг. — Ты, ничтожество, посмела?

— Да, — сказала я. — Посмела. За все три года. За каждую пощёчину. За каждый синяк. За каждое унижение.

Он замахнулся, чтобы ударить в ответ. Я не отшатнулась. Стояла и смотрела ему в глаза. Пусть бьёт. Пусть. В этот момент я поняла: хуже, чем сейчас, уже не будет. Он может убить меня. И это будет избавлением.

Но его рука опустилась.

— Ты... ты сошла с ума, — прошептал он. — Ты понимаешь, что они с тобой сделают? Хозяин — это... это... я слышал про него. Он жестокий. Он убивает людей за неуважение.

— Ты боишься за меня?

— Я боюсь за себя! — закричал он. — Если они заберут тебя, то с меня спрос уменьшится? Нет! Они будут требовать с меня всё равно! Ты — мой актив, Ирка! Пока ты здесь, я могу торговаться!

Вот оно. Момент истины. Он сказал это вслух. Не постеснялся. Не спрятал.

Он боялся не за меня. Он боялся, что его долг не спишут, даже если меня продадут в рабство. Я была для него не женой. Не человеком. Я была активом. Вещью. Товаром, который можно обменять на время.

— Знаешь, Денис, — сказала я. — Я думала, что хуже, чем ты, не бывает. Я ошибалась. Есть люди, которые хуже. Но ты... ты просто дно. Ты ниже дна. Ты даже не человек.

— Заткнись!

— Не заткнусь. Ты трус. Ты никчёмный, жалкий, пьяный трус, который прячется за спину жены. Ты продал меня за три миллиона. Не деньгами — жизнью. Ты уже продал меня, когда сказал им, что я — твоя собственность. Ты меня никогда не любил. Ты использовал меня.

— Я не...

— Заткнись ты, — сказала я устало. — Собирай вещи. Я хочу, чтобы ты ушёл.

— Куда?

— Не знаю. К своей матери. К своим друзьям. В подвал. В реку. Мне всё равно. Но чтобы через час тебя здесь не было.

Он посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то — страх? Нет, он меня не боялся. Удивление? Да, удивление. Он не ожидал, что я скажу это. Он думал, что я сломалась окончательно. Что буду ползать у его ног и умолять остаться.

— Ты пожалеешь, — сказал он, переходя на угрожающий шёпот. — Ты без меня пропадёшь. Кому ты нужна, старая, больная, без денег, без работы? Кто тебя такую возьмёт?

— Иди, Денис. Иди, пока я не позвонила тем амбалам и не сказала, что ты собрался сбегать в другую область.

Он побледнел. Схватил рюкзак — мой рюкзак, который я купила на последние деньги, когда ещё работала — и начал кидать в него вещи. Футболки, носки, пачку сигарет, зажигалку, старый телефон.

— Я вернусь, — сказал он у двери. — И ты будешь умолять меня остаться. Будешь на коленях ползать, как собачонка.

— Не буду.

Он вышел. Дверь за ним осталась открытой, и из подъезда потянуло сквозняком — запахом мусора, сырости и свободы.

Я осталась одна.

В пустой, разграбленной квартире. С открытой дверью, в которую мог зайти кто угодно — сосед, бомж, тот самый цепляющий с золотой цепью. С запахом чужих людей — табака, кожи и металла. С запахом страха, который Денис оставил после себя, как липкий след.

Я прошла на кухню, взяла кружку с душицей. Она была тёплой — солнце нагрело керамику через окно. Я прижала кружку к груди, села на пол, прислонилась спиной к холодной стене.

И стала ждать.

Чего? Я не знала. Смерти? Спасителя? Чуда? Может быть, просто того, что дверь закроется сама собой, и я смогу притвориться, что ничего не случилось.

Я ждала, что жизнь изменится. Потому что хуже уже не могло быть.

Я ошиблась. Могло.

Через час позвонил телефон.

Номер незнакомый. Я долго смотрела на экран, на мигающие цифры, а потом взяла трубку. Мой голос прозвучал чужим — хриплым, уставшим, старым.

— Ирина? — голос, вежливый, спокойный, без намёка на угрозу. — Вы жена Дениса?

— Да. Бывшая, — добавила я почему-то. И сама удивилась этому слову.

— С вами хочет поговорить наш хозяин. Он будет завтра. В десять утра. Ждите.

— Где?

— Дома. Он приедет сам. Будьте готовы.

— К чему? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— К разговору. Он не любит ждать. И не любит, когда ему врут. Скажете правду — может быть, отпустит.

Трубку положили. Я смотрела на экран телефона, на разбитое стекло, на свои дрожащие пальцы, и понимала: завтра решится моя судьба. Не через год. Не через месяц. Завтра в десять утра.

Всю ночь я не спала.

Сидела на кухне, пила горячую воду из кружки с душицей, перебирала в голове варианты. Сто двадцать вариантов. Все — плохие.

Сбежать? Куда? Денег нет. Документов — только паспорт, который я храню в бюстгальтере, потому что Денис однажды пытался его продать, и с тех пор я сплю с паспортом на груди. Телефон — старый, с разбитым экраном. Зарядка — на последнем проценте, а розетка еле держится.

Вызвать полицию? И что сказать? «Мне угрожают бандиты, потому что муж должен им три миллиона»? Полиция приедет, может быть, даже составит протокол. А потом уедет. А бандиты вернутся. И будет хуже. Намного хуже.

Попросить помощи у соседей? Тётя Зина — старая, больная, у неё давление и больные ноги. Остальные — алкаши или такие же бедолаги, как я. Никто не сможет защитить. Никто не захочет связываться с людьми, у которых есть хозяин с таким именем.

Я была одна. Абсолютно одна. И это было страшнее всего.

В два часа ночи я встала, подошла к зеркалу. Посмотрела на себя.

Глаза — красные, опухшие, с чёрными кругами. Но в них горело что-то новое. Не страх. Не отчаяние. Не пустота. Злость. Чистая, белая, холодная злость на себя, на Дениса, на эту жизнь, на этих людей с их золотыми цепями и хозяевами.

— Ты выжила три года с этим ничтожеством, — сказала я своему отражению. — Ты пережила побои, унижения, голод, холод, одиночество. Ты переживёшь и это. Ты не сломаешься. Ты не дашь им сломать тебя.

Я взяла кружку, подняла её, как тост перед боем.

— За завтра. Что бы ни случилось — я выживу. Я не стану их вещью. Я не стану их игрушкой. Я останусь собой.

Душица пахла горечью и надеждой. Странно — сухая трава, которая хранилась бог знает сколько, вдруг отдала свой запах так сильно, будто бабушка стояла рядом и шептала: «Держись, Иришка».

Я вдохнула этот запах. И мне стало легче.

В десять утра раздался звонок в дверь.

Не стук. Звонок. Дверной звонок, который не работал три года — мы даже забыли, что он есть — вдруг зазвонил. Громко, чисто, требовательно.

Я вздрогнула, но пошла открывать. Медленно. Поправила волосы (немые, тусклые), одёрнула платье (единственное приличное, синее в цветочек). Надела его специально, чтобы выглядеть человеком, а не вещью.

На пороге стоял один.

Не амбалы. Не шрам. Не цепляющий.

Мужчина.

Высокий, широкоплечий, в чёрном костюме без галстука, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки. Я заметила, что рубашка дорогая — итальянский шёлк, наверное. Лет тридцать пять — сорок. Короткие тёмные волосы, тронутые сединой у висков. Лицо — резкое, с высокими скулами, тонкими губами, глубоко посаженными глазами.

Серыми глазами. Тяжёлыми, как свинец. Как ртуть. Как зимнее небо перед снегопадом.

— Ирина? — спросил он.

— Да.

— Я — Андрей Ветров. Можете звать меня по имени. Или Ветряк — как вам удобнее.

Ветряк. Тот самый. Хозяин.

Он вошёл, не спрашивая разрешения. Я посторонилась, и когда он проходил мимо, я почувствовала его запах. Дорогой одеколон, кожа, табак, и ещё что-то — горькое, мужское, властное. Запах человека, который никогда не прятался за чужую спину.

Он оглядел квартиру — пустые стены, грязный пол, разбитое окно, которое я заклеила скотчем.

— Уютно, — сказал он без иронии. — Давно здесь живёте?

— Три года.

— И всё это время терпели?

Он посмотрел на меня. И я поняла, что он знает. Всё знает. Про Дениса. Про побои. Про долги. Про то, что я — заложница. Про кружку. Про ноутбук с эскизами. Всё.

— Что вам нужно? — спросила я.

Он сел на единственный оставшийся стул (второй сломал Денис), сложил руки на груди.

— Поговорить.

— О чём?

— О вашем муже. О его долге. О вас.

— Я не имею отношения к его долгам.

— Имеете, — спокойно сказал он. — Вы — его жена. По нашим понятиям, жена отвечает за мужа. По закону — нет. Но мы не по закону живём, Ирина. Вы это знаете.

— Что вы хотите?

Он помолчал. Достал из кармана пачку сигарет, закурил, не спросив разрешения. Дым пополз к потолку — серый, едкий, красивый.

— Денис должен мне три миллиона семьсот тысяч. Плюс проценты — уже четыре двести. Он не вернёт. Я знаю таких, как он. Они не возвращают долги. Они бегут, пока не сдохнут в канаве.

— И что вы сделаете?

— Я могу убить его. Могу покалечить. Могу продать его органы на чёрном рынке. Вариантов много.

— Но?

Он усмехнулся. Первая эмоция за весь разговор. Усмешка была кривой, невесёлой, но в ней мелькнуло что-то живое.

— Но я не хочу. Он мне не интересен. Интересны вы.

— Чем?

Он встал, подошёл ко мне вплотную. Я чувствовала его запах, его тепло, его силу. Он был так близко, что я видела крошечные морщинки у уголков его глаз.

— У вас красивые глаза, — сказал он. — И вы не боитесь. Большинство женщин в вашей ситуации плачут, истеричат, падают в обморок, молят о пощаде. А вы стоите и смотрите на меня, как на равного. Это... редкость.

— Я боюсь, — честно сказала я. — Но бояться бесполезно. Страх не спасает.

— Умная женщина. Редкость вдвойне.

Он вернулся на стул, затушил сигарету в пустой банке из-под горошка.

— У меня есть предложение.

— Какое?

— Вы переезжаете ко мне. В мой дом. Живёте там, пока мы не решим вопрос с долгом. Едите, спите, пользуетесь всем, что захотите. Взамен — вы моя. Полностью.

— То есть я буду вашей рабыней? Игрушкой? Вещью?

— Нет. Вы будете моей гостьей. С обязательствами.

— Какими?

— Вы будете делать то, что я скажу. Не всегда приятное. Но никогда — то, что вас покалечит или уничтожит. Я не садист, Ирина. Я бизнесмен. И вы — часть сделки.

— А если я откажусь?

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Я не отвела глаз. Внутри меня горела та самая злость, которая родилась ночью у зеркала.

— Если откажетесь — я убью вашего мужа. Прямо сегодня. У вас на глазах. А вас... — он помолчал, — вас я продам. Тем, кто заплатит больше. У нас в городе есть люди, которым нужны красивые женщины с покладистым характером. Вы не покладистая, но это лечится. Плетью. Голодом. Одиночеством.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони до крови.

— Вы чудовище.

— Я реалист. Мир жесток, Ирина. Вы это знаете лучше многих. Вы три года жили с чудовищем. Разница только в том, что я хотя бы не скрываю свою сущность.

Он встал, подошёл к двери.

— У вас есть два часа на размышление. В двенадцать я пришлю машину. Если вы откажетесь — в час Денис умрёт. Если согласитесь — мы начнём новый этап вашей жизни.

— Новый этап? — горько усмехнулась я. — Золотая клетка?

— Возможно. Но в клетке хотя бы кормят и не бьют. Разве не об этом вы мечтали последние три года? О тишине. О безопасности. О том, чтобы никто не поднимал на вас руку?

Он ушёл. Дверь за ним закрылась — сломанный замок всё-таки поддался, когда он нажал посильнее.

А я осталась.

Два часа.

Сто двадцать минут. Семь тысяч двести секунд.

Я сидела на полу, прижав к груди кружку с душицей, и думала. Бабушка смотрела на меня с керамики: «Будь сильной».

Вариант первый: отказаться. Денис умрёт. Меня продадут. Кому? Зачем? В какой подвал? На какой срок? Я видела новости. Я знаю, что происходит с женщинами, которые попадают в такие истории. Их находят через годы. Или не находят. Или находят мёртвыми в канавах.

Вариант второй: согласиться. Поехать к этому человеку — Ветряку, Андрею, хозяину. Стать его... кем? Любовницей? Игрушкой? Гостьей? Он сказал «гостья». Но я не наивная девочка. Я знаю, что значит «гостья» в его мире.

Но он сказал: «не бьют».

Это была ложь? Или правда? Я не знала. Но в одном он был прав: за три года я забыла, что такое жить без страха удара. Без синяков. Без унижений. Без чувства, что ты — ничто.

Может быть, золотая клетка лучше, чем открытая дверь в ад?

Я посмотрела на дверь. Она была открыта. Я могла выйти. Прямо сейчас. Убежать на улицу, смешаться с толпой, попросить милостыню на вокзале, уехать в другой город, начать жизнь заново.

Но у меня не было даже денег на билет.

Я сидела и смотрела на открытую дверь, как птица в клетке, которая вдруг видит, что дверца открыта, но не может лететь, потому что забыла, как это делается.

В двенадцать ровно раздался звонок. Я открыла дверь.

На пороге стоял тот самый цепляющий — молодой, наглый, с золотой цепью и нахальной улыбкой.

— Ну что, красавица? Едешь или нам Дениса убивать?

— Еду, — сказала я.

Он ухмыльнулся, довольно потирая руки.

— Умная баба. Хозяин оценит. Он любит, когда женщина знает своё место.

Я взяла кружку с душицей, паспорт и вышла. Даже не оглянулась.

Потому что смотреть было не на что.

В этой квартире не осталось ничего, что я могла бы назвать домом.

Глава 3

Я ждала его час.

Сорок минут езды от дома до особняка, десять минут в кабинете, где пахло кожей и дорогим табаком, и ещё десять — тишины. Я сидела на стуле, прижимая к груди кружку с душицей, и смотрела на дверь.

В кабинете было тихо. Слишком тихо для дома, в котором, наверное, кипела своя жизнь. Я слышала только собственное дыхание и тиканье часов на стене — старинных, напольных, с маятником, который качался как сердце спящего зверя. Книги. Тысячи книг. Шкафы от пола до потолка, заставленные корешками с золотым тиснением. Я успела заметить: классика, детективы, несколько томов по психологии. Ветров читал. Это было неожиданно. В моей голове бандиты не читали — они смотрели сериалы и пили пиво. Но этот человек был другим. И это пугало больше, чем если бы у него на стене висело оружие.

Он вошёл не сразу. Сначала я услышала шаги — тяжёлые, размеренные, как метроном. Потом голоса — короткие приказы, которые он бросал кому-то в коридоре. «Документы готовы?», «Скажи Лосю, чтобы проверил машину», «Эту бумагу — переделать». Спокойно, без повышения голоса, но так, что чувствовалось: каждое слово — закон.

И только потом дверь открылась.

Андрей Ветров.

Вблизи он оказался страшнее, чем при первой встрече. Не потому, что у него было злое лицо или угрожающие манеры. Нет. Он был страшен своей обыденностью. Словно человек, который каждый день ломает чужие судьбы и привык к этому, как другие привыкают чистить зубы.

На нём был тёмно-серый костюм — дорогой, сидящий идеально, но без намёка на пошлую роскошь. Никаких блестящих запонок, никакого галстука-бабочки. Белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей, тёмные брюки, часы на запястье — массивные, но не кричащие. Всё в нём говорило: «У меня есть деньги, но я не хочу, чтобы ты об этом думала». Даже ботинки — чёрные, кожаные, начищенные до зеркального блеска, — были дорогими, но не привлекали внимания.

Собранный. Холодный. Неподвижный.

Я вспомнила его прозвище — «Ветряк». Ироничное, да. Потому что он был полной противоположностью ветру. Никакой суеты, никакой спешки. Каждое его движение — выверенное, как шахматный ход. Каждое слово — на своём месте. Он не жестикулировал, не повышал голос, не смотрел по сторонам. Он смотрел только на меня. И от этого взгляда — тяжёлого, серого, как свинец — хотелось спрятаться. Но я не спряталась. Я научилась не прятаться три года назад. Когда прятаться стало некуда.

Он сел за стол, напротив меня, и положил на столешницу пухлую папку. Я заметила, что на ней нет никаких пометок — только белая поверхность, испачканная чем-то похожим на кофе. Он небрежно, но аккуратно положил руку на папку, словно придерживая её, и посмотрел на меня.

— Ирина, — сказал он, не спрашивая, а утверждая. — Я рад, что вы согласились приехать.

— У меня не было выбора, — ответила я. Голос не дрожал. Я давно научилась контролировать голос. Денис не выносил, когда я дрожала. Говорил, что это «истерика».

— Выбор есть всегда, — он качнул головой, и свет упал на его лицо, осветив жёсткие скулы и тени под глазами. — Вы выбрали жизнь. Это уже похвально. Многие в вашей ситуации выбирают смерть. Или просто сдаются. Вы не сдались.

Он открыл папку. Я увидела бумаги — много бумаг. Квитанции, расписки, какие-то фотографии. Одну фотографию я узнала — наше с Денисом свадебное фото. Молодые, счастливые, идиоты. Я тогда ещё верила в сказку. В фату, в лимузин, в «жили долго и счастливо». Дура.

— Ваш муж, Денис Сергеевич Громов, должен мне три миллиона семьсот тысяч рублей. Плюс проценты — четыре миллиона двести. Срок вышел три дня назад. Он не вернул деньги, не предложил план погашения, не явился на переговоры. Вместо этого он сбежал. А вы позволили мне сами.

— Да.

— Почему?

Он задал этот вопрос без любопытства. Скорее — как врач, который уже знает диагноз, но хочет услышать от пациента.

— Потому что он не вернётся. — Я сделала паузу, подбирая слова. — И потому что я устала.

— Устали от чего?

— От него. От этой жизни. От страха. — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Вы когда-нибудь боялись каждый день, Андрей Ветров? Не одного конкретного события, а так, что страх становится фоном, воздухом, которым вы дышите? Это выматывает. Через год ты перестаёшь быть собой. Через два — забываешь, кем была. Через три — тебе всё равно.

Ветров посмотрел на меня. Долго. Так, что мне захотелось опустить глаза, но я заставила себя смотреть в ответ. В его глазах не было жалости. Не было сочувствия. Был расчёт. Он оценивал меня — как актив, как угрозу, как возможность.

— Вы не похожи на женщин, которые сдаются, — сказал он наконец. — У вас в глазах есть огонь. Потушенный, но не убитый.

— Вы ошибаетесь, — сказала я. — Я сдалась три года назад. В первый раз, когда Денис ударил меня и я не ушла. В тот момент я подписала себе приговор.

— Нет. — Он покачал головой. — Если бы вы сдались, вы бы не позвонили. Вы бы сидели в своей квартире и ждали, когда вас убьют или продадут. Или ударят ещё раз. А вы позвонили. Значит, надеетесь.

— На что?

— Не знаю. На чудо? На то, что я окажусь добрым? — он усмехнулся — криво, только уголками губ. Эта усмешка не коснулась глаз. Глаза остались холодными, как лёд. — Я не добрый, Ирина. Я справедливый. Это разные вещи.

Он нажал кнопку на столе. Где-то в доме звякнул колокольчик — негромко, но отчётливо.

— Приведите его, — сказал Ветров в пустоту.

Через минуту дверь открылась, и в кабинет втолкнули Дениса.

Я смотрела на него и не узнавала. Не потому, что он изменился внешне — хотя да, он был в том же, в чём сбежал: моём рюкзаке, грязных джинсах, мятой футболке. Его лицо было опухшим — то ли от побоев, то ли от страха, то ли от вчерашней пьянки. Но дело было не в этом. Дело было в его глазах. В них не было ничего. Пустота. Страх. И ещё что-то, что я видела впервые — осознание собственной ничтожности.

— Ирка! — закричал он, увидев меня. — Ирка, ты здесь! Скажи им, скажи, что я не должен! Скажи, что это ошибка!

Он попытался броситься ко мне, но охранник — тот самый цепляющий — схватил его за шкуру и швырнул на колени. Денис ударился коленями о паркет, вскрикнул, но не осмелился встать.

— Сидеть, — сказал Ветров спокойно. Одно слово. И Денис замер, как собака, услышавшая команду хозяина.

Денис смотрел на Ветрова, как кролик на удава — с ужасом, с ненавистью, с полным пониманием своей никчёмности. Он знал, что этот человек может его убить. И не просто убить — стереть с лица земли так, что никто не спросит. И Денис, который дома был царём и богом, кричал на меня и поднимал руку, здесь превратился в трясущуюся массу.

— Денис Сергеевич, — Ветров взял из папки бумагу, надел очки — тонкую золотую оправу, которая сделала его похожим на университетского профессора, а не на бандита, — вы должны мне четыре миллиона двести тысяч рублей. Подтверждаете?

— Я... я...

— Подтверждаете или нет? — Голос Ветрова не изменился, но Денис вздрогнул, как от удара.

— Подтверждаю, — прошептал он.

— Хорошо. Теперь вопрос: когда вы вернёте деньги?

Денис молчал. Его трясло так сильно, что зубы стучали. Я видела, как по его щеке потекла капля пота — медленно, по шраму от пореза, который он получил, когда разбил бутылку в пьяной драке.

— Я... я не могу, — выдавил он наконец. — У меня нет таких денег. Я всё проиграл. Всё, что было. Дом, машину, бизнес...

— У вас была квартира жены, — перебил Ветров, даже не взглянув на меня. — Вы её продали. Где деньги?

— Проиграл.

— Украшения жены?

— Проиграл.

— Машина?

— Проиграл.

Ветров смотрел на него без эмоций. Как смотрит хирург на труп, прежде чем начать вскрытие. Как смотрит мясник на тушу. Я видела этот взгляд — он ничего не обещал. Ни пощады, ни боли. Только факт.

— И что у вас осталось, Денис Сергеевич?

Денис молчал. Его губы шевелились, но звука не было. Он перебирал в голове варианты — дом? продано. Машина? продана. Друзья? отвернулись. Родственники? мать умерла, отец в другом городе, ему плевать.

А потом его взгляд упал на меня.

И я всё поняла. Ещё до того, как он открыл рот.

— Она, — сказал он. — Ирина. Жена. Я могу... я могу отдать её.

В комнате стало тихо.

Я не дышала. Смотрела на Дениса и не верила своим ушам. Хотя почему? Я должна была ожидать. Он уже продал меня, когда прятался за мою спину. Он уже продал меня, когда сбежал, оставив одну с бандитами. Он уже продал меня сто раз — своим бездействием, своей трусостью, своей любовью, которая была не любовью, а собственничеством. Сейчас он просто произносил это вслух.

Я смотрела на человека, с которым прожила три года. Которому отдала свою квартиру, свою молодость, свои силы. Которого защищала перед мамой, перед подругами, перед собой. И видела только пустоту. Ничего. Ни любви, ни жалости, ни сожаления. Только инстинкт самосохранения, который толкал его на самое дно.

Он продавал меня, чтобы спасти свою шкуру.

— Отдать? — переспросил Ветров. — В каком смысле?

Он спросил это так, будто не понимал. Но я видела: он понимал. Он просто хотел услышать это из уст Дениса. Хотел, чтобы я услышала это из уст Дениса.

— Ну... она же женщина. Красивая. Вы можете... — Денис сглотнул, его кадык дёрнулся, — можете взять её. В счёт долга.

Ветров медленно повернул голову ко мне. В его серых глазах мелькнуло что-то — удивление? Ирония? Жалость? Я не могла разобрать. Но он смотрел на меня так, будто спрашивал: «Ты это слышишь? Ты понимаешь, кто с тобой живёт?»

— Ирина, — сказал он, — вы слышите, что говорит ваш муж?

— Слышу, — мой голос не дрогнул. Я удивилась сама себе. Внутри была пустота — даже не боль, даже не гнев. Только холодное, чистое понимание. — Он всегда так говорит. «Ирка, ты должна мне помочь». «Ирка, ты моя жена, твой долг — терпеть». «Ирка, иди на улицу, заработай денег». Ничего нового.

— Вы не против? — спросил Ветров.

— А это имеет значение?

— Имеет. Для меня.

Я посмотрела на Дениса. Он стоял на коленях, трясаясь, и смотрел на меня с надеждой. Он надеялся, что я соглашусь. Что я спасу его, как спасала всегда. Что я опять буду хорошей девочкой, которая терпит и прощает, потому что «любит». Он не знал, что любовь умерла год назад. Он убил её сам.

— Я не вещь, — сказала я. — Меня нельзя отдать, продать или обменять. Я человек. Но вы, Денис, похоже, забыли об этом.

— Ирка, не ломайся! — закричал он. В его голосе появились истеричные нотки. — Ты же видишь, я погибаю! Если ты не поможешь, меня убьют!

— Ты сам себя убил, — сказала я. — Три года назад, когда в первый раз поднял на меня руку. Всё, что случилось потом — это агония. Ты не жил. Ты доживал.

— Как ты смеешь?! — он дёрнулся, попытался встать, но цепляющий надавил ему на плечо, и Денис снова упал на колени. — Я тебя любил! Я для тебя старался!

— Ты старался для себя, — сказала я. — Всегда. Даже когда мы встречались — ты не меня любил. Ты любил, как я на тебя смотрю. Как я тобой восхищаюсь. А когда восхищение прошло, ты начал меня бить. Потому что не знал других способов удержать.

Ветров смотрел на меня с интересом. Как будто я была не женщиной в дешёвом платье, а задачей, которую он никак не мог решить. Его пальцы барабанили по столу — тихо, ритмично. Единственное проявление нетерпения, которое я от него видела.

— Денис Сергеевич, — сказал он, — вы предлагаете мне вашу жену в качестве оплаты долга. Это интересное предложение. — Он сделал паузу, снял очки, положил их на стол. — Но я должен проверить качество товара.

Он встал.

Медленно. Плавно. Как хищник, который не торопится, потому что уверен в своей силе. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, чистая кожа, дорогие часы. Руки, которые, наверное, держали оружие. Руки, которые, наверное, убивали. Но сейчас они просто висели вдоль тела — расслабленно, не угрожающе.

Он подошёл ко мне. Я почувствовала его запах — бергамот, кожа, табак. И запах власти — он тоже пахнет, знаете? Остро, тревожно, как грозовой воздух перед ударом молнии. Мне

хотелось вжаться в стул, убежать, спрятаться. Но я сидела прямо. Потому что если бы я сейчас сломалась, то проиграла бы окончательно.

— Встаньте, — сказал он.

Я встала. Кружка с душицей осталась на стуле. Я почувствовала, как дрожат колени, и заставила их замереть.

Он прошёл вокруг меня, как вокруг скульптуры. Я чувствовала его взгляд — на своих плечах, на спине, на руках. Мне хотелось скрестить руки на груди, спрятаться, закрыться. Но я стояла прямо, опустив руки по швам. Как солдат. Как человек, которому нечего терять.

— Повернитесь, — сказал он.

Я повернулась.

Он остановился напротив, посмотрел мне в глаза. С близкого расстояния я увидела, что его глаза не просто серые. В них есть золотые искры — крошечные, едва заметные. И морщинки в уголках — не от смеха, скорее от напряжения. Он часто щурится. Привычка человека, который много читает при плохом свете? Или который целится?

— Ваш муж оценил вас в три миллиона, — сказал он. — Дешево, Ирина. Очень дешево.

— Я не оцениваю себя в деньгах, — ответила я.

— А в чем вы себя оцениваете?

Я задумалась. Вопрос был не праздным. Он проверял меня — не тело, а характер. Не послушание, а стержень.

— Не знаю, — честно сказала я. — В самоуважении. В свободе. В праве выбора.

— Выбора у вас нет, — сказал он. — Но самоуважение... это можно сохранить. Если захотеть.

Он вернулся за стол, сел. Достал из ящика новую папку, положил перед собой.

— Денис Сергеевич, ваше предложение принято. Но не полностью. — Он открыл папку, достал лист бумаги. — Ваша жена переезжает ко мне. Она будет жить в моём доме, есть мою еду, носить мою одежду. Она станет моей гостьей. А вы, Денис Сергеевич, останетесь должны. Но сумма уменьшится. Ровно на три миллиона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.